Гоголь в Оптиной пустыни

Мемуары и переписка - 1

Иван Леонтьевич Леонтьев-Щеглов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(настоящая фамилия — Леонтьев) — прозаик, драматург. По образованию — офицер-артиллерист. В 1883 г. вышел в отставку и занялся исключительно литературным трудом. Внучатый племянник скульптора Петра Клодта (автора Аничкова моста в Петербурге, памятников святому Владимиру в Киеве и Крылову в Летнем саду)

- И. Л. Леонтьев-Щеглов
  - ○
- notes
  - ○ 1

И. Л. Леонтьев-Щеглов
Гоголь в Оптиной пустыни
(Из дорожных заметок)

Среди простых могильных плит, разбросанных там и сям по кладбищу Оптиной пустыни, мое невольное внимание остановила полузаглохшая потрескавшаяся плита, смиренно затерянная по левую сторону соборного храма:

> «На сем месте погребено тело монаха Порфирия — Петра Александровича Григорова. Из дворян елецких, конной артиллерии подпоручик, поступил в Оптину пустынь в 1834 году. Трудился по изданию и печати душевно-полезных книг. Постригся в 1850 году сорока семи лет от роду и в 1851 году марта 15 мирно почил о Господе сном смертным в надежде Воскресения в жизнь вечную»…

К этому несложному некрологу можно еще добавить несколько скудных строк из «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной пустыни», что означенный о. Порфирий особенно известен изданием писем задонского затворника Георгия, что в жизни он перенес много скорбей, но отличался тем не менее веселостью характера и готовностью всегда и всякому помочь. Но эти дополнительные подробности едва ли добавят что-либо для любопытного читателя, если я не подскажу в свою очередь, что эта забытая могила трогательно связана с памятью двух великих имен русской литературы — Пушкина и Гоголя… Кому в самом деле может прийти в голову, что под этой убогой монашеской плитой далекого монастырского погоста схоронен тот самый юный и пылкий артиллерийский офицер, который первый в России оказал открытую, почти царскую почесть Пушкину при жизни как величайшему поэту родной страны (салют из пушек в честь Пушкина) [1]? И посмотрите, какая странная, почти мистическая линия в его судьбе! Пострадав по службе ради Пушкина, он попадает затем неисповедимым путем в Оптину пустынь и делается… другом Гоголя!..

Эти дружеские отношения простого инока и великого писателя очень характерно рисуются в воспоминаниях о Гоголе Льва Арнольди — в беседе, завязавшейся между автором мемуаров и Гоголем по поводу Оптиной пустыни.

— Какая тишина, какая простота! — восторгается Гоголь. — Я

на перепутьи всегда заезжаю в эту пустынь и отдыхаю душой… Там у меня в монастыре есть человек, которого я очень люблю…

— Кто же этот друг ваш?

— Некто Григорьев, дворянин, который был прежде артиллерийским офицером, а теперь сделался усердным и благочестивым монахом и говорит, что никогда в свете не был так счастлив, как в монастыре. Он славный человек и настоящий христианин: душа его такая детская, светлая, прозрачная!.. Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей, как братьев: он всегда весел, всегда снисходителен… Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин. Покуда человек еще не выработался, не совершенно воспитал себя, хотя он и стремится к совершенству, в нем все еще слишком много строгости, слишком много угловатого и много отталкивающего. Если же раз он успеет, с Божьей помощью, уничтожить в себе все сомнения, примириться с жизнью и дойдет до настоящей любви, то сделается тогда совершенно спокоен, весел, ко всем добр, со всеми ласков. Таковы все эти монахи в пустыни: отец Моисей, отец Антоний, отец Макарий; такой и мой друг Григорьев!!

Лучшего аттестата, я полагаю, довольно трудно выдать даже монаху! К сожалению, означенными двумя характерными рассказами исчерпываются все сведения об интересной личности дворянина Григорова, или Григорьева, как его прозывает Арнольди со слов Гоголя. Вдобавок по кончине о. Порфирия Григорова по досадной монашеской небрежительности все имущество его было уничтожено, а затем и самая келья его совершенно переделана; даже монах, живший с ним в одно время в одной келье и отлично помнивший как друга Гоголя, так и самого Гоголя, навещавшего пустынь… года два тому назад тоже умер, и таким образом последние следы пребывания Гоголя в Оптиной обители оказались обидно заметенными… Если б не иеромонах о. Даниил (он же известный художник Болотов) и не о. Ераст, письмоводитель пустыни, — оба старики, но оба люди образованные, начитанные и любезно общительные, я едва ли бы раздобыл и эти немногие печальные сведения, здесь приведенные. Благодаря им же я напал на след двух драгоценностей, то есть двух автографов Гоголя: одно письмо, хранящееся в монастырской библиотеке, а другое — в библиотеке Предтеченского скита… Первое письмо хотя и было напечатано в свое время в духовных журналах, но, однако, настолько мало известно светскому читателю, что считаю невредным привести его целиком: «Ради самого Христа, Молитесь обо мне, отец

Филарет! Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитве обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освежения свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа обо мне молитесь. Покажите эту записку мою отцу игумену и умолите его вознести свою мольбу обо мне, грешном, чтобы удостоил Бог меня, недостойного, поведать славу имени его, не посмотря на это, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен Милосердный сделать все и меня, черного как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном.

Ради самого Христа молитесь! Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной пустыни. Бог да воздаст вам всем сторицей за ваше доброе дело. Ваш всей душой Никол. Гоголь».

На обороте письма рукой же Гоголя начертан такой адрес: «Отцу Филарету Иеромонаху В Оптиной пустыни».

А внизу письма рукой настоятеля Оптиной пустыни о. архимандрита Моисея сделана отметка: «Получено из села Долбина от помещика Ивана Васильевича Киреевского 21 июня 1850 года». Текст означенного послания занимает две страницы почтового формата, почерк вполне разборчивый и довольно твердый. Второй автограф (доселе не появлявшийся ни разу в печати), напротив того, совсем коротенькое письмо, скорее записка, занимающая всего одну страничку пожелтевшего почтового листка; почерк менее разборчивый и твердый, носящий явные следы руки усталой и немощной:

> «Так как всякий дар и лепта вдовы приемлется, примите и, от меня небольшое приношение по мере малых средств моих (двадцать пять рублей сер.). Употребите их по усмотрению вашему на строительство обители вашей, о которой приятное вое поминание храню всегда в сердце своем.
>
> Очень признателен вам за ваше дружеское гостеприимство и усердно прошу молитв ваших обо мне грешном… Неотступно прошу, чувствуя в них сильную надобность.
>
> Многоблагодарный вам
>
> Николай Гоголь.

Покорнейше прошу передать при сем приложенное письмецо Достойному Отцу Макарию. Если пожелает он узнать мой адрес, то вот он:

Ник. Васильев. Гоголю в Москву в дом Талызина, на Никитинском бульваре».

Письмо без даты, но, принимая в соображение болезненный характер почерка и то, что письмо отправлено из дома Талызина в Москве, то есть места последнего земного пребывания Гоголя, есть основание полагать, что эти немногие и, если так можно выразиться, душевно-поспешные строки — одни из тех, кои Гоголь набрасывал незадолго до своей смерти. Известно, кроме того, когда Гоголь умер, у него не осталось в кошельке ни одной копейки, потому что даже то немногое, что оставалось у него, он рассовал по мелочам на бедных и церковные нужды. После этого станет ясным, какую трогательную реликвию представляет помянутый малоизвестный маленький пожелтевший листок, и, разумеется, место его не в пыльном шкафике монашеской кельи (где я его обрел), а под стеклом и в приличном окладе в стенах музея, хотя бы в стенах музея Калужской ученой архивной комиссии (Оптина пустынь принадлежит к Калужской епархии и находится в десяти верстах от Калуги).

Нечего говорить, какую огромную ценность должно было представлять приложенное к нему «письмецо Достойному Отцу Макарию». Но увы, письмецо это, по всей видимости, было так называемое «исповедное» и как таковое безжалостно уничтожено…

В четвертом томе «Материалов для биографии Гоголя» В.И. Шенрока мы находим, впрочем, одно ответное письмо помянутого о. Макария Гоголю, освещающее до известной степени отношения, существовавшие между нашим знаменитым писателем и не менее знаменитым в то время оптинским старцем, сыгравшим такую огромную роль в жизни и деятельности Ивана Киреевского. Само по себе письмо это ничем не замечательно, но очень любопытно, с другой стороны, как образчик сухо-наставительной смиренномудрой монашеской прозы и в особенности как резкая противоположность мучительно-скорбному тону приведённых писем Гоголя, видимо изнемогавшего в душевной пытке…

Гораздо большее удовлетворение доставляют два письма из того же любопытного четвертого тома Шенрока просто монаха Порфирия, уже известного нам по теплой характеристике Гоголя. И письма эти нисколько ей не противоречат — в каждой строке в них просвечивает живая, отзывчивая, мечтательно-восторженная

его душа… Взять хоть начало его первого письма, адресованного Гоголю в Одессу 20 июня 1850 года: «Любвеобильное письмо Ваше получил с удовольствием и признательностью как от человека, которого давно привык уважать за талант, коим славится отечество наше. Природа скупа на таких людей, как Вы, и рождает их веками, зато и века помнят их! Что значат перед талантом знатность и богатство, минутная слава, которая мелькнет, как метеор, и погрузится в Лету… Признательное отечество не забудет вас!..» Вы видите, это действительный друг Гоголя, который, не стесняясь своей иноческой рясы, радостно воздает должную дань писательскому гению, ставя этот божественный дар на первое место, а не на последнее, как то делали другие духовные отцы, опекавшие Гоголя, до пресловутого «отца Матвея» включительно.

К сожалению, в свой последний приезд в Оптину пустынь в конце июля 1851 года вместо своего друга, еще так недавно радовавшего его своими сердечными письмами, Гоголь застал свежий могильный холм и рассказ монастырской братии о праведной кончине новопреставленного раба Божия Порфирия. Так, рассказывают, «что в своей предсмертной болезни он имел извещение о близкой кончине и ему трижды являлся во сне скончавшийся за шесть лет перед тем послушник Николаша (которому при жизни его о. Порфирий оказывал особое благорасположение) и говорил ему, чтобы он готовился к исходу из сей жизни. А накануне своей кончины он получил от троекуровского затворника о. Илариона рубашку, в которой и скончался через несколько минут по приобщении св. тайн». Можете себе представить, сколько горечи добавила эта неожиданная потеря Гоголю, заехавшему на этот раз в Оптину пустынь совсем случайно и в особенно угнетенном состоянии духа…

Бедный Гоголь! Промаявшись лето в одиночестве в пыльной и душной Москве, он захотел повидать и обрадовать своих родных в Яновщине, где готовились праздновать свадьбу его сестры, но, видно, ему не суждено было больше взглянуть на дорогое небо Украины. Подъезжая к Калуге, он внезапно почувствовал один из тех страшных припадков тоски, которые в последнее время так часто на него находили… и свернул с дороги в Оптину пустынь. Пребывание в Оптиной совершенно изменило его первоначальное намерение — он не поехал домой и снова вернулся в Москву, где ожидала его… могила!

В каком душевном и растерянном душевном состоянии находился Гоголь во время своего краткого пребывания в любимой обители, показывает отчасти рассказ о нем,

передаваемый в письме Плетнева к поэту Жуковскому по поводу смерти Гоголя. «…Осенью, отправляясь в Малороссию на свадьбу сестры, — сообщает Плетнев, Гоголь заехал дорогой к одному монаху, чтобы тот дал ему совет: в Москве ли ему остаться или ехать к своим. Монах, выслушав его, присоветовал ему последнее. На другой день Гоголь опять пришел к нему с новыми объяснениями, после которых монах сказал, что лучше решиться на первое. На третий день Гоголь явился к нему снова за советом. Тогда монах велел ему взять образ — и исполнить то, что при этом придет ему на мысль. Случай благоприятствовал Москве. Но Гоголь в четвертый раз пришел за новым советом, тогда, вышед из терпения, монах прогнал его, сказав, что надобно остаться при внушении, посланном от Бога».

Любопытно, кто был этот фатальный монах? Все оптинские друзья Гоголя наперечет. Добрый Григоров умер, начальник Предтеченского скита о. Антоний был переведен в другой монастырь, а о. Макарий и тогдашний игумен обители о. Моисей по самому своему положению не могли поступить так бесцеремонно, — следовательно, остается предположить, что это был никто иной, как тот самый о. Филарет, к которому адресовано вышеприведенное письмо. Оптинские монахи, которых я расспрашивал по поводу этого письма, почему-то относят его по адресу совсем иного о. Филарета — старца московского Новоспасского монастыря, известного друга и духовника Ивана Васильевича Киреевского. Но это совершенно неверно уже потому, что письмо Гоголя помечено 1831 годом, а помянутый московский старец Филарет скончался в 1842 году на руках своего благоговейного почитателя Ивана Киреевского.

Наконец мне приходит в голову: не есть ли этот гоголевский Филарет тот самый таинственный монах, о котором я слышал вскользь лет десять тому назад от покойного оптинского старца о. Амвросия, — поистине фатальный монах, после беседы с которым «о насмешке» Гоголь, по словам о. Амвросия, жестоко заболел в Оптиной.

Известно, как Гоголь любил и чтил Оптину пустынь: каждый раз, попадая в Калугу, он непременно заезжал в Оптину и всегда возвращался оттуда обновленный духом. (Вспомните, например, его восторженное письмо графу А.П. Толстому о первом посещении Оптиной пустыни, где он сравнивает ее с Афонской горой.) Но этот последний приезд, очевидно, был для него роковым. На вопрос его московского приятеля О.М. Бодянского, почему он так скоро вернулся, Гоголь коротко отвечал: «Так: мне сделалось как-то грустно!..» И больше ни полслова.

Вообще вся эта история довольно таинственная, скрывающая,

несмотря на преднамеренную недоговорность «обеих сторон», лишний раз больной и мало тронутый русский вопрос о недоразумении между светским писателем и церковным пастырем скорбном недоразумении, всецело основанном на давнишнем смешении областей и границ того и другого призвания… Но это слишком сложный и тонкий вопрос, чтобы его касаться мимоходом, и будет лучше отложить его для отдельного исследования.

А пока остается только подивиться, что такой примерный христианин и неустанный ревнитель православия, каковым был Гоголь, от самой юности до мученической кончины своей включительно, так мало до сих пор популярен в обители, которую столь возлюбил и при всяком удобном случае столь прославлял. По крайней мере, я, лично навестив дважды Оптину пустынь, и притом в разные годы, нигде и ни у кого не нашел признака хоть какого-нибудь плохонького портрета Гоголя: сведения о нем, которые я старался раздобыть, были скудные и сбивчивые, и единственной местной памяткой, свидетельствующей о связи Гоголя с Оптиной, является тоненькая брошюрка, выпущенная года три тому назад настоятелем Предтеченского скита о. Иосифом: «Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К. Леонтьев пред старцами Оптиной пустыни». В брошюрке всего шесть страниц, из которых целые три заняты письмом «неизвестного лица», предостерегающего мирян от чтения сочинений Гоголя и осуждающего в довольно смутных выражениях гоголевскую «Переписку с друзьями». (А уж что, казалось бы, могло быть строго нравственнее?)

Прискорбнее всего, что этот случайный и недалекий взгляд выдается автором брошюры вообще как «оптинский взгляд» на Гоголя, разделяемый даже таким светочем, как оптинский старец о. Макарий. Немудрено, что Гоголь в конце концов крепко захворал в Оптиной: от такого «старческого окормления» едва ли кому поздоровится!..

Бедный Гоголь!..

Да, скудны, унизительно скудны сведения о Гоголе в излюбленной им пустыни. Например, в объемистом историческом описании Оптиной пустыни ни одним звуком не упоминается о посещении Гоголя, а в многочисленных письмах оптинского старца о. Макария, к которому Гоголь питал, как известно, особенное почтение, упоминается об этом вскользь, всего в двух строках…

Впрочем, порывшись накануне моего отъезда из Оптиной в сборнике писем и заметок преемника о. Макария оптинского старца о. Амвросия, я натолкнулся на очень любопытный рассказ

старца, записанный им со слов о. Порфирия Григорова о посещении Гоголем в одно из его странствий по Средиземному морю города Тримифунта, что на острове Кипре, где хранятся, как известно, «целокупные» мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтского, многопрославленные мощи, сохранившие в продолжение пятнадцати веков нетленность и даже мягкость. Гоголь не только самолично видел эти мощи, но вдобавок оказался случайным свидетелем необыкновенного от них чуда. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством, все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано: потом, однако, решился подойти — и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Гоголь, бывший в толпе зрителей, по словам о. Порфирия, был сильно потрясен этим случаем.

Рассказ, как видите, очень ценный для характеристики душевного состояния Гоголя, и, кто знает, может быть, этот маловедомый далекий град Тримифунт сыграл в жизни многострадального автора «Мертвых душ» далеко не последнюю роль… В подлинности же рассказа нет ни малейшего основания сомневаться. О. Порфирий был на редкость светлая и правдивая личность, притом ближайший друг Гоголя, и в его смиренной монашеской келье, вдали от мирской суеты, Гоголь изливал без всякого стеснения свою исстрадавшуюся душу…

Прощаясь с Оптиной пустынью, я навестил еще раз эту забытую монашескую могилу и невольно подумал: будь еще жив о. Порфирий или будь сохранены его записки, — о, он, конечно, помог бы нам раскрыть сокровенную тайну душевного недуга, подкосившего жизнь его знаменитого друга!

Гор. Калуга, август 1900 г.

notes

Примечания

1

Моя книга «Новое о Пушкине».